

Первая поездка Ильи Муромца (4)

А как перьвая была поездка Ильи Муромця
А из Мурома до Киева.
А как клал-то да промежь собой ведь заповедь
Межь заутренией поспеть к обедни воскресеньския.
А пошел-то он да на широкой двор,
А седлал, уздал своёго коня да лошадь добрую:
Шьто накладывал на спину лошадиную-ту войлучок,
А на войлучок накладывал седёлышко черкальскойё,
Вот затёгивал-то он двенадцеть отужинок,
А застегивал-то он двенадцеть пряжочок;
'шше отужинки были шелкóвыя,
А как пряжочки были́ да золочёныя,
А как шпёнышки были булатныя,
А того-то белого булата заморьского, —
Шьто не ради-то красы, да ради крепости,
Ради тех-то пришпехов богатырскихя.
Он приковывал-то палицу ко стремяну булатному;
А как клал-то он к палици заповедь великую,
Шьтобы от Мурума до Киева-то палици-то не отковывать.
А как одевалсе доброй молодець да в платье богатырськое,
А прошшалсе он с отцём да родной матушкой:
— Ты прошшай-ко-се, да мой родной батюшко!
Он ведь лёкко скакал да на добра коня.
А как видели тут молодца сряжающись,
А не видели-то ёго поездки богатырския.
Он поехал из города из Мурома,
Из того же села да Карачаёва.
А как подъезжаёт к городу к Черни́-городу, —
Тут стоит-то под Черни-городом сила великая,
А хотят-то розбить, розорить-то город Чіженец,
А божьи церкви хочут да под конюшни взеть.
А сидит-то старой на добром коні да призадумалсе:
— А шьто клал-то я себе-то заповедь великую,
Шьто от Мурома до Киева да палечи-ты не отковывать;
Как прости меня господь да в таковой вины!

Я не буду боле-то класть заповеди великия.

Отковал-то он ведь паличу тяжелою,
Он ведь постёгал коня да по крутым бедрам,
А заехал во ту силу великую;
А да вперед махнет, дак сделает улицей,
А назад махнет — дак переулками;
Коё бьет, больше конем всё мнет.

Он прибил, притоптал всю силу великую.

Говорят-то мужики чернигорци,

Они говорят да таковы речи:

— Уж как с нёба нам послал господь-от аньгела.

А други-ти: — Нет не аньгела господь послал,
А нам послал бог-то руського могучего богатыря.

А как стречают мужики-ти города Черни-города,
А стречают, отпирают ёму ворота городовья,
А стречают, ёму низко кланетсе:

— А приди ты к нам хошь князём живи в Черни-городи, хошь боярином,
Хошь купцём у нас слови, гостем торговыма.

Мы ведь много дайм тебе золотой казны несчётныя.

Говорит-то старой таковы речи:

— Не хочу-то у вас-то жить не князём, не боярином,
Не купцём, гостем торговым жа;

Мне ненадобно-то ваша золота казна несчётная:

Золотой казной мне ведь не откупитисе!

Тольке вы скажите в красен-от Киев-град дорожку прямоезжую:

Кольке времени ехать какой дорогою?

— Прямоезжей дорогой надоть ехать три месеця,

А окольную дорогой надоть ехать три года;

Заросла-то прямоезжая дорожка равно тридцеть лет,

Заросла-то она лесым темным жа;

А как есть на ей три заставушки великия:

А как перьва-та застава — лёсы тёмныя,

А втора-та застава — греди чёрныя,

А как третья-та застава есть ведь реченька Смородинка,

А у той-то у речки есть калинов мост;

А тут есть-то, тут Соловьюшко живет Рохманьёвич;

А сидит-то Соловеюшко да на девети дубах,

А как ревет-то Соловеюшко да по-звериному,

А свистит Соловейко по-соловьиному,

А сидит-то собака, шипит он по-змеиному.
А не конному, не пешому проходу нет,
А не серому волку прорыску нет,
А не ясному соколу пролёту нет.
— Ну, спасибо-те, мужики, за дорожку прямоезжую!

Он поехал по той дороге прямоезжою.
А как он приехал к лесу тёмному,
Соходил-то он да со добра коня,
А левой рукой-то он коня ведёт,
А правой рукой дубье рвет да ведь с коринём,
С коринём рвет да ведь мост мостит:
Он проехал-то леса тёмная,
А проехал-то он да грёзи чёрная,
А доехал до той же речиньки Смородинки.
Как увидял ёго Соловьёшко Рахманьевич,
Зашипел-то Соловьёшко по-соловьёному,
Заревел-то Соловьёшко да по-звериному,
Как ведь зашипел он Соловьёшко по-змеиному;
Ише мать сыра земля да потрёсаласе,
А сыр дубье да пошаталосе;
Как потнулсе ёго конь, на колени пал
А от того от свисту соловьиного,
А от реву-ту он от звериного.
А как бил он коня да по крутым бедрам:
— Уж ты волчья пасть да травяной мешок!
Не слышал ты разе свисту соловьиного,
Не слышал ли ты реву звериного,
А не слышал шипотку-ту всё змеиного?

А как брал-то он да свой розрывчат лук,
Натягал-то он тетивоньку шолкóвую,
А накладывал-то он стрелочку каленую,
Сам ко стрелочки да приговаривал:
— А лети, моя стрела, да по-под-нёбёса,
А не падай не на воду, не на землю, не в сырой дуб,
А пади-тко-се Соловьёшку во правой глаз.

А как полетела стрелочка да по-под-нёбеса,
А как падала стрела не на воду, не на землю, не в сырой дуб,
Она падала стрелочка Соловьёшку во правой глаз.
А как падал Соловьёшко да на сыру землю;

Подъезжал тут старая старинышина да под Соловьёшка,
А приковывал-то Соловьёшка да за белы́ руки,
Подымал Соловьёшка да на добра́ коня,
А приковывал ёго ко стремену булатному,
А подымал он Соловьёшка-то на добра́ коня;
А поехали они ко городу ко Киеву.
А как мимо ехали Соловьёво высокое подворьицё,
А высокое-то дворьицё, высок терем;
Как увидели Соловьёшка да рóдны дочери,
А больша-то говорит: «Как батюшко-то едёт, мужика везет».
Да втора-то сёстра говорит: «То мужик-от едёт, везет батюшка».

А как едут они к Соловьёшку да к широку́ двору,
Да взяла ёго большая дочь да подворотину,
А хотела убить да Илью Муромця;
Подхватил-то стары́й казак да Илья Муромец да подворотину,
Ухватил-то ей да из белых-то рук;
Тут он хватил свое востро́ копье
А сколол-то его большую дочь.

Говорит Соловьёшко Рохманьевич:
— Уж вы гой еси, мои дочерья любимыя!
Не грубите, не гневите серьдца богатырьского;
Выкупайте мя да из неволюшки:
Насыпайте ёму три-то мисы красна золота,
А три-то мисы чиста сéребра,
Насыпайте три-то мисы меди, всё козáрочки.

А поехал он ко городу ко Киеву.
А не зашел-то он к Соловьёшку в высок терем.
А приехал в славной Киев-град,
Ко ласкову приехал князю на широкой двор,
Как ведь соходил-то со добра́ коня,
А вязал-то коня да среди двора,
Среди двора к дубову́ столбу да к золоту́ кольчу;
Как заходит на крылечико косисчато,
Со красна́ крыльця в полаты княженецькия;
А он крест-от кладет да по-писа́ному,
А поклон-эт ведет да по-учёному,
А как бьет челом-ту князю во рученьку во правую:
— Уж ты здраствуй, князь Владимир стольне-киевской!
— Уж ты здрастуй-то, дородней доброй молодець!

Я не знаю твоёго не имени, не отчины —
Величить тебя по имени, называть по отечесью.

А князям, боярам всё — во левую.

— Уж ты гой еси, дороднёй доброй молодець!

Ты садись-ко за ти столы окольня,
А за ти жа за скатерти за бранья,
А за кушанья за разноличня.

А как сел-то Илеюшка за столы за белодубовы.

Как-от пир идет навесели,

Красно-то соньчё идет на ёсени,

А как красно-то соньчё идет ко западу,

Ко западу идет, ко закату;

А как вси-то на пиру-ту сидят пьяны, веселы,

Пьяны, веселы сидят, хвастают:

А как всё богатой-от хвастат золотой казной,

Иной-от хвастат широким двором,

Как иной-от хвастает добрым конем,

Сильн-ёт хвастат своей силою,

Умной-от-то хвастат родным батюшкой,

А разумной-от хвастат родной матушкой,

А неразумной-от ведь хвастает родной сестрой,

А как глупой-от хвастат молодой жоной.

Как Владимир-то по гридни-то похаживат,

А белыма-ти ручками розмахиват,

А желтыма-ти кудрями принатряхиват.

А как сам он говорил да таковы слова:

— Уж у меня вси-то на пиру пьяны, веселы,

Ишше вси у меня на честном хвастают,

А как приезжай-от гость сидит, нечим не хвастает.

Уж ты шьто жо, дороднёй молодець, нечим не хвастаешь?

— А как чим-то я буду всё ведь хвастати?

Ише тим рази ведь я похвастаю —

Промежду заутриней, обедней воскресеньския

Хотел-то я приехать из города из Мурома,

Из села-то приехать Карачеева.

А как ехал тут-то я путем-дорогою,

А стоит под городом Черни-городом сила великая,

А великая сила, немалая,

Я тут побил ту силушку великую;

А приехал я ко городу Чернигороду
А спросить у мужиков города Черни-города,
А спросить про дорожку прямоезжую.
Указали мне дорожку прямоезжую, —
Ишше тридцетъ лет по етой дорожочки не езжено;
Ишше было на ей три заставушки великия:
Как перьва-та застава были лѣсы тѣмныя да грѣзы чѣрныя;
Как приехал-то тут к двум заставушкам,
А сошел-то я со добрѣ коня,
А левѣй рукой коня веду, правѣй рукой дѣбьѣ рву,
А как дѣбьѣ-то рву да со всим с кѣринѣм;
Как я проехал тут да грѣзи чѣрныя да лѣсы тѣмныя,
А приехал к третью заставушки,
Я приехал туто к речинки Смородинки.
А сидит-то Соловьѣшко Рохманович,
Да сидит-то вор-собака на девети дубах:
Я его сострѣлил с девети дубов.

Тут-то закричели князи, бѣяра:

— Уж ты гой еси, мужичонко приехал задлѣньшина ты, деревеньшина.

А как тут старѣму казаку за беду да показалосе:

— Уж вы гой еси, бояра кособрѣхия!

А седит-то у меня Соловьѣшко да на добрѣм кони,
На добрѣм кони, у князя среди двора,
А прикован у мня ко стремяну булатному.

Говорил-то тут Владимир-князь:

— Уж ты гой еси, дороднѣй доброй молодець!

Навекѣ я не видал Соловьѣшка Рохманьѣва,

Не слышал я ѣго свисткоткѣ соловьиного,

А не слышал-то я реву звериного,

А не слышал-та я да шипоткѣ змеиноного.

А покажи-тко-се мне Соловьѣшка Рохманьѣва,

А заставь ѣго свистеть, реветь да по-звериному,

Шипеть ѣго да по-змеиноному.

Пошли они да на краснѣ крыльцѣ;

Выходили тут бояра кособрѣхия

А смотреть, слушать реву соловьиного-змеиноного.

А как говорит-то старѣй казак да Илья Муромець:

— Уж ты гой еси, Соловьѣшко Рохманович!

Ты свисти-тко-се пол-свисту соловьиного,

А реви-тко-се пол-реву ты звериного,
Ты шипи-тко-се пол-шипотку всё змеиноного.

А не послушал он да Ильи Муромця,
Засвистел-то он во весь свист-от соловьиная,
Заревел во весь-то рев звериная,
Как зашипел он во весь-то шипоток змеиная.
Ише мать сыра земля да потрясаласе,
Полаты княженецьки зашаталисе,
А как у князя резвы ножки подломилисе,
Буйна голова с плеч да подкатиласе.
Захватил князя Илья Муромець во праву руку к себе под пазуху,
А кнегину захватил под руку-ту всё под левую;
А как дёржит-то их в охапочки.
Как бояра-ти испопадали да вси ведь замертво.
А как закричал старый да зычным голосом:
— Уж ты гой еси, вор-розбойник Соловей Рохманьёвич!
Тебе полно реветь да по-звериному,
Перестань свистеть по-соловиному,
Перестань шипеть да по-змеиному.

А как тут бояришка поверили, забоёлисе.
А как соходил старый со красна крыльця,
А отковывал от стремена булатная,
А отсек Соловьёшку-ту буйну голову.
А как Соловьёшку у князя на двори да смерть кончаласе.

(Записано А. В. Марковым в 1899 году в деревне Нижняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря от Гаврилы Леонтьевича Крюкова, 77 лет.)

Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф. В. Ф. Миллера. М., 1901.